

крывается посредством «наступления на читателя», стремления «запрограммировать» в его сознании единое, постоянное представление о святости. Однообразное повторение одного и того же эпитета играет такую же роль, как и нанизывание разнообразных, сложных и простых эпитетов, заимствованных из других произведений или сочиненных самим писателем, — остановить внимание, задержать мысль читателя, поразить необычным, привести к размышлениям о величии излагаемой истории. Такого рода построения не снимают логики развития мысли, не затмевают смысла произведения, так как, насколько можно об этом судить, именно таким задумано изложение самим автором.

Во всех других случаях применения эпитета «добрый» он имеет оценочный характер и сочетает функции пояснительные и эмоциональные. Стоящий близко к фольклорному «постоянному» эпитету, эпитет «добрый» в произведении Епифания все же отличается от названного типа именно тем, что сочетание постоянное оказывается разложимым, и эпитет «добрый» применяется и по отношению к другим предметам, а не только характеризует подвижника.

Постоянным в житии Стефана может быть назван эпитет «словесный» — «овцы словесные», «млеко словесное», «бращны словесные», «стадо словесное» и др. Многочисленные варианты библейских притч о пастыре, овцах, овчем дворе³ известны многим памятникам русской литературы.⁴

В сочинении Епифания Премудрого словосочетание «словесные овцы», «словесное стадо» имеет значение «духовные», «духовное» и употребляется как стилистическая формула, раскрывающая смысл и одновременно результат обращения в христианство пермян-язычников. Новообращенная Пермь воспринимается писателем как «словесное» стадо, а пермян он называет «словесными» овцами: «Митрополит... сущих в его митрополии о множестве словесных овецъ, паче и о новокрещеных, и о сем прилежно думаше и гадаше, искаше и пыташе, кого изыскати, изобрести и избрати, и поставити, и послати епископа в Пермь» (стр. 60); «Тацити суть дарове, иже дарова бог земли Пермьстей, тако вера зачало приимаше и злоба от среды отгонима бываше, тако ти крещение приаша, тако грамоте сподобиша, тако христиане прибываху, тако стадо словесное исполняшешя, тако виноград господа Саваофа добре цветяше...» (стр. 74); «...мы бо есмы овчята словеснаго стада и своего пастуха глас знаем» (стр. 42); «Призри, господи, на люди сна новокрещеныя и на словесныя сия овца твоя...» (стр. 81). Эпитет «словесные», «словесное» является традиционным, словосочетание в целом следует рассматривать как метафору. Так как такие эпитеты-метафоры были широко известны и всегда должны были пониматься однозначно, то писателю в данном случае не требуется никаких дополнительных объяснений или ссылок. Поэтому эпитеты даны в относительно простом окружении, здесь отсутствуют обычные, характерные для Епифания, нагромождения и уточнения.

Корни рассматриваемого эпитета уходят в библейские книги, и историю его употребления можно себе представить следующим образом. В основе христианского учения лежит «слово божие», верующие — это после-

³ См.: Еванг. Матф., VII, 15; XVIII, 12—14; Еванг. Иоанна, X, 1—16, 27, 28; Еванг. Луки, XII, 32, и др.

⁴ См.: В. П. Адрианова-Перетц *Очерки поэтического стиля древней Руси*. М.—Л., 1947, стр. 101. См. также Срезневский И. *Материалы*, т. 3, стлб 409: «Розго многоплодна... Гръзны принося словесныя»; стлб. 1437: «Дньсь бо весна разумная вьсия угацающи цветы словесныя».